

Театрализация истории в романе Г. Грасса «Ein weites Feld»

Пафос вышедшего в свет в 1995 г. романа Г. Грасса «Ein weites Feld» в критике настойчиво связывается с поиском «спасения от истории» [1]. В рамках данной статьи выдвигается положение о том, что трагической рефлексии о бессмыслице исторического развития в романе противопоставлена рефлексия о литературе как сфере, в опоре на которую возможно обретение индивидуального смысла. Носителем и мысли об истории, и мысли о литературе в романе является один герой — Тео Вуттке. Два года из его жизни составляют действие романа, приходящееся на период воссоединения ГДР и ФРГ. Обладая грандиозной исторической компетенцией, Вуттке выстраивает множество параллелей между воссоединением Германии в конце XX в. и ее объединением при Бисмарке, трактуя данные переклички как знак того, что «ничто и никогда не меняется» [3, с. 774], что Германия воспроизводит самые драматичные эпизоды своей истории, рождая «новое чудовище» [1, с. 136].

В романе переживание дурной повторяемости драматических моментов национальной судьбы находит свое выражение во фразе, вынесенной в заглавие. «Ein weites Feld» — цитата из романа Т. Фонтане «Эффи Брист» (1895), которую герой — Тео Вуттке — часто произносит, размышляя о национальной истории. В романе Т. Фонтане эта фраза принадлежит отцу героини, старику Бристу, и в дословном русском переводе звучит как «широкое, бескрайнее поле». После выхода романа Фонтане в свет эта фраза вошла в немецкий язык в качестве идиоматического выражения, которое на русский язык наиболее адекватно может быть переведено, в соответствии с предложением переводчика Б. Н. Хлебникова, как «долгий разговор». Данная идиома в контексте романа подразумевает мысль о неразрешимости фундаментальных вопросов человеческой жизни и национальной истории, в отношении которых можно вести бесконечный разговор.

Тем не менее герой ставит перед собой цель — «Das Weite suchen» [Там же, с. 769]: искать край широкого поля, искать смысловое завершение

разговора о том, что на первый взгляд представляется неразрешимым. Осуществить этот проект герою и помогает литература, а именно опора на жизнь и творчество Теодора Фонтане. В обнаружении тайных переключек собственной судьбы с судьбой Фонтане и в прямом цитировании немецкого классика Тео Вуттке, именуемый по предмету своей страсти Фонти, находит такую модель, которая позволила бы ему пережить драматизм исторического момента и разобраться в сути происходящих событий. Жизнь Фонти действительно полна разнообразных отсылок к судьбе немецкого классика. Причем отождествление с Фонтане Вуттке распространяет даже на сферу писательства: он намеревается дописать тексты, оставшиеся недописанными после смерти немецкого писателя, а также редактирует и его законченные произведения.

Присваивая себе образ Фонтане, Тео Вуттке, по его собственному слову, пытается «воскресить» немецкого классика в условиях Германии начала девятых годов XX столетия и так осуществить «программу бессмертия»: «Он ручался за то, что бессмертен» [3, с. 48]. «Воскрешение облика Бессмертного» (так Теодор Фонтане именуется на страницах романа Грасса) Тео Вуттке рассматривает как возможность придать губительному повторению исторических событий измерение, исполненное спасительного смысла. В соответствии со знаменитой идеей М. Элиаде, именно так испокон веков действовала мифотворческая традиция: присваивая ходу времени циклическое содержание, миф, по Элиаде, таким образом стремился противостоять его всеразрушающей власти и хаотическому осуществлению. Отличие одно: древний мифотворец противопоставлял цикл линейности профанного времени, Фонти противопоставляет новый цикл в жизни великого человека дурной, лишенной смысла цикличности национальной истории.

Учитывая гротескность форм воплощения героем «программы собственного бессмертия», исследователи романа настаивают на карнавальной модальности повествования, правда, выводя из нее такую характеристику романа как «гротескная история всеобщего психического расстройства» [2, с. 20]. Однако вряд ли театрализация исторической жизни, предпринятая Г. Грассом в данном романе, подразумевает «апокалиптическое восприятие бытия, убежденность в стремительно приближающейся гибели человечества» [Там же]. Представляется, что, наоборот, предпринятый Грассом карнавал по-бахтински амбивалентен: провозглашая апокалипсис, он настаивает на осуществимости бессмертия — в рамках индивидуального существования, выбравшего точкой своей опоры литературу.

Недаром сам Тео Вуттке в итоге воплощения своего проекта «Das Weite suchen» позволяет себе опровергнуть убеждение героя Фонтане. В заключительной фразе романа он признается: «Старый Брист заблуждался; я, по крайней мере, вижу край поля» [3, с. 781]. Смысл кажется герою «обозримым» («ich sehe dem Feld ein Ende ab»), бессмертие осуществимо. О последнем свидетельствует сложный метафорический подтекст записки, присланной исчезнувшим Фонти своим друзьям. Покинув Германию, Фонти сообщает о том, что он счастливо живет в безлюдной местности и часто ходит за грибами, после чего и следует фраза об обозримом крае широкого поля. В немецком языке фраза «ходить за грибами» («gehen in die Pilze») является фразеологизмом и означает «погибать, пропадать». Однако сообщение Фонти, должное, казалось бы, читаться как сообщение о смерти, парадоксально свидетельствует об обретении такого переживания, в котором чувство счастья («mit ein wenig Glück») сочетается с прозрением искомого смысла. Так, посредством самоотождествления с любимым автором герой Г. Грасса придает смысловое содержание и собственной жизни, и историческому развитию страны.

---

1. Данилина Г. И. Нужна ли в историческом романе концепция истории? // Литература и общество: взгляд из XXI века. Тюмень, 2002. С. 133–143.

2. Добряшкина А. В. Гротеск в творчестве Г. Грасса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

3. Grass G. Ein weites Feld. München, 1997.